

16+

Смородников Ю.В.

Побег

Юрий Владимирович Смородников

Побег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63666696

SelfPub; 2021

Аннотация

Изнурительная физическая работа на фабрике до гробовой доски и вечный плен в серой действительности – это краткий список того, что удалось повидать Илье и Никите. Окружающие давно привыкли к такой жизни и не видят альтернатив. Но однажды к ним в руки попадает фильм, в котором все иначе: голубое небо, пальмы и счастливые, свободные люди. Так в головах подростков возникает идея побега. Смелый план приводится в действие, но оправдаются ли надежды двух отчаявшихся ребят?

Юрий Смородников

Побег

Илья и Никки готовы к бою

Даже мимолетного взгляда в маленькие окна подъезда было достаточно, чтобы понять – день будет не из приятных. Темное свинцовое небо повисло над многоэтажными домами. Их бетонный отлив становился особенно серым в падающем сквозь густые облака свете. Наскоро перекусив, Илья, как и тысячи других детей, спускался по лестнице. На часах было 7.30 утра, мама ушла на работу час назад, а теперь настала и его очередь. Несмотря на серьезные нагрузки, которые выпали на его долю за последнюю неделю, организм Илья все еще был полон сил. Он бы бежал по лестничному пролету вприпрыжку, если бы не болела нога, на которую пару дней назад упала бочка с субстратом. Ему повезло: в бочке оказался брак, большая часть которого уже ушла на корм собакам. Упади на него полная бочка – и не видать маленькому Илюше больше своей ноги. А так всего лишь пара почерневших ногтей да разбухшая лодыжка. Это не беда – на нем все заживало, как на собаке, конечно, на той собаке, которая не питалась бракованным субстратом.

Наконец он выбрался из затхлого подъезда на свежий воздух. Жара еще не набрала всю свою силу, но уже становилось душно. Лениво выползавшие во двор люди внимательно

но вглядывались в тяжёлое небо. Сегодня оно было обязано разразиться дождем и наконец принести долгожданную прохладу. Илья помахал рукой Аняте и Лиде. Между ними, держа за руки своих сестёр, плелся и мило улыбался их младший брат Ваня. Илья помахал и ему, хотя улыбка его явно стала искусственной. Он инстинктивно недолюбливал Ваню. Нет, Ваня никогда не пакостил кому-либо, не сделал Илье ничего плохого. Просто сейчас он пойдет в школу, будет сидеть за партой и пускать сопли, а Илье придется работать. Совсем недавно он сам был на месте Вани, тогда он ненавидел школу, не сильно он любил ее и сейчас, но все лучше, чем катать туда-сюда чертовы бочки.

Немного прихрамывая, Илья выбрался на большую дорогу. Тут людей стало заметно больше. В основном это были дети, все взрослые давно уже на работе. Илья и его друг Никитка (более известный как Никки) были одними из немногих единственных детей в семье. Отец Ильи погиб на войне еще до его рождения, а вот у Никиты семья была полной. Но почему-то у него не было ни брата, ни сестры, и почему-то их и не могло быть. Когда об этом заходила речь, что Никита, что его родители только опускали голову и молчали, Илья же мог только догадываться почему. Семьи, у которых было менее двух детей, считались несчастными и бедными, им полагалась какая-то компенсация (одно из тех слов, которые никак не давались Илье), но эта самая компенсация не особенно улучшала их положение. Вверх по дороге рез-

во катил бот. Бот – это его официальное название, дети же называли его как придется: жестянка, железяка, консервная банка, танчик, робот, камера, глаз, смотрельня. Были и более смешные названия, которыми чаще пользовались взрослые: жопный глаз, гусеничный ублюдок и другие, за употребление которых легко можно получить кучу неприятностей. Черный глаз камеры под бронированным стеклом не вращался, он обеспечивал обзор в 360 градусов, поэтому полуметровая машина на гусеницах двигалась довольно быстро, быстрее, чем спокойный шаг взрослого человека. Она успевала разглядеть всех. Да и убежать от нее никому не приходило в голову, так же как приближаться слишком близко и тем более дотрагиваться. У ботов вдоль борта была проложена светодиодная лента. Если все хорошо, она светилась бледно-зеленым, если же она загоралась желтым, то тебе лучше немедленно прекратить делать то, что ты делаешь, ну а если красным – лучший вариант – это уткнуться лицом в асфальт и ждать, когда за тобой придут сотрудники Внутренней Охраны. Страх перед этой машиной забивался в мозги еще с пеленок. Илья тоже боялся их, хоть и не показывал этого. Ночью ему часто снились кошмары, где огромный, высотой со шкаф бот, несется на него, а светодиод вокруг него моргает ярко-красным. Когда жестянка катила мимо, полагалось остановиться, посмотреть точно в камеру и улыбнуться. Многие дети махали руками, этому искусству была посвящена отдельная пятиминутка в школе. Илья тоже делал

так поначалу. Но потом он заметил, что взрослые не машут и не улыбаются, даже наоборот, завидев бота, становятся хмурыми и какими-то нервными. Улыбаться ему тоже как-то перехотелось. Когда Илье становилось скучно, он корчил гримасы прямо в камеру. Так продолжалось, пока однажды им не пришел штраф за «помеху в распознавании лиц». Он составлял почти половину маминой зарплаты. Ох и влетело же тогда ему! Илью и сейчас так и подмывало скорчить рожу. Но он сдержал себя, остановился и посмотрел в глаз жестянке. Улыбаться и гримасничать не стал.

Точно так же поступил и Никки. Он стоял совсем рядом и, в момент, когда его заметил Илья, тоже смотрел в глаз жестянке. Делал это по всем правилам, как учили в школе. Они пожали друг другу руки и двинулись в сторону фабрики.

Никитка был как обычно бодр и весел. Но сегодня это все выглядело как-то неестественно, на показ. Даже его знаменитая улыбка, за которую его недолюбливал Илья (она служила настоящим магнитом для симпатичных девчонок), сейчас была какой-то блеклой.

– Чего-то ты сегодня особенно веселый. – серьезно начал Илья.

– Так сегодня же суббота. Завтра выходной. Можно отоспаться. Правда папа заставит целый день делать уроки. Хотя это тоже ничего.

– Это ничего, пока у тебя получается. Вспомни Сашку, сидит рядом со мной, смотрит мне в тетрадь и ни черта не

понимает. Даже списать не может по-человечески.

– А я вот ему помогаю. Ты бы тоже предложил.

– Ага, обязательно. Он мне ничем помочь не может, так а мне ему зачем помогать? Ладно, забыли. Ты ведь не серьезно про выходной? Я думаю, дела у нас с тобой найдутся.

– Эх... – Никки сразу сник. – Слушай, Илья, на счет твоего плана. Может ну его, а? На словах все круто, конечно, но это ведь не взаправду?

Илья остановился и повернулся к Никите.

– Что значит не взаправду? Я почти год к этому готовился. Все продумал. Куртки нам нашел и спрятал не взаправду?! Топливный шланг стырил не взаправду? У Маркуса в кабинете крутился, вместо того, чтобы обедать, не взаправду?!

– Да ладно, ладно! Успокойся. На нас все смотрят.

– Идем.

Они шли вверх по склону. Вдали уже виднелась фабрика, ее высоченный забор и черные, как ночь, ворота.

– Ну так что, даешь заднюю? – опять начал Илья.

– Ничего я не даю. Просто страшно все это. Как родители без меня, а твоя мама как?

– Поверь мне, они будут только рады, если мы сбежим отсюда. Все с ними будет хорошо. Они бы сами этого хотели. Только говорить об этом боятся. Засело у них в голове, что нельзя ничего такого делать.

– Так ведь нельзя же.

– Нельзя. Но и так, как мы, тоже нельзя. Ты хочешь всю

оставшуюся жизнь бочки с субстратом катать? Мне за два года это надоело так, что блевать тянет от одного их вида.

– Да... Не хочу, конечно.

– Вот и я не хочу. И предлагаю тебе возможность смыться.

– А если не получится?

– Не получится, если не попробуем. Хватит трусить, Никки. Я же все продумал. До мельчайших деталей. Сам знаешь, я просто так фигней не страдаю. Все будет просто класс. Помнишь, как в том фильме? Море, пальмы. Чистое голубое небо. Никаких тебе холодных зим. Никаких бочек с субстратом, от которых болят руки и спина. Никаких железяк. Будем жить, как короли. Хотя скорее, как дикари, поначалу. Ну насчет этого в полете будет время подумать да обговорить...

Последнюю фразу Ильи заглушило ревом турбин. Над ними пролетел самолет. Огромная трясущаяся и хрипящая железная птица. Она выглядела потрепанной и старой, но все еще готовой к очередному перелету. Она направлялась на взлётно-посадочную полосу, которая находилась меньше чем в десяти километрах от фабрики. Звук турбин постепенно стих. Несколько секунд особенно острой тишины пугали. Наконец возобновившееся невнятное бормотание идущих на фабрику детей прикончило нагонявшую страх тишину.

– Так ты в деле?

– В деле.

В глазах Никиты блеснул огонек решимости.

И безумства.

Фабрика

Что такое фабрика? – спросите вы. И любой ребенок вам без запинки ответит: фабрика – это то, ради чего живет город. Что это значит? – черт его разберет, не мешайте работать! – таков будет ответ. Ответ не только ребенка, но и взрослого. Единственное, в чем уверены и те, и другие, так это в том, что этот слоган висит над главными воротами и над основным погрузочно-разгрузочным цехом. Сквозь огромные ворота, что закрывались ровно в восемь вечера, а открывались ровно в шесть утра, сейчас шла толпа людей. В большинстве своем дети. Были среди них и Илья с Никитой. Возле турникетов начали скапливаться длинные очереди. Приложи карточку, посмотри в камеру, проходи через турникет – вот и все, проще не бывает. Да, здесь тоже были жестянки. Только они были совсем незаметные и без гусениц. Их черные, обрамленные бронестеклом глаза то тут то там свисали с потолка и внимательно разглядывали каждого, кто проходил мимо. Безжизненные и строгие лица охранников, которых так боялись недавно начавшие работать десятилетки, для Ильи и Никиты выглядели комично-тупыми. Каждый раз проходя мимо, Илье хотелось плюнуть в эту идиотскую нечеловеческую рожу. Или крикнуть что-нибудь неприличное, но он видел, чем заканчиваются подобные выходки, поэтому себе такого не позволял. Мама рассказывала, что его

отец до войны тоже был на должности охранника, но Илья не верил. Не хотелось ему думать, что его отец мог иметь такое же серое лицо и пустые агрессивные глаза.

– Никки?

– Да.

– Постарайся перехватить что-нибудь до обеда. И желательно что-нибудь поплотнее. Неизвестно, когда нам удастся перекусить в следующий раз.

– Понял. Черт, надеюсь, это будут бананы.

Так что же такое фабрика? Фабрика – это в первую очередь субстрат. Субстрат производили в подземных цехах-лабораториях. Что там творится, одному богу известно. Точнее, богу и директору завода. Еще точнее – богу, директору завода и людям, которые этот субстрат делают. Но общаться с людьми из лаборатории было запрещено. Жили и работали они отдельно, их забирали прямо из дома, привозили сюда, а вечером увозили обратно. Говорят, что живут они очень даже не плохо. Еще бы, чтобы сделать субстрат нужно, обладать нехилыми мозгами, а человек с нехилыми мозгами нигде не пропадет. Так говорила мама Ильи. И он с этим согласен. Правда, свои мозги он использовал немного в другом русле. Что такое субстрат? Интересный вопрос. Субстрат в последние три десятилетия – это практически все. На самом деле, реальное понятие о том, что это и как это делается, было у очень узкого круга людей. Зато всем было известно – субстрат – это то, что мы едим. Из него делалось все.

Точнее, он был основой для всего: хлеб, макароны, рис, всевозможные крупы, картофель, сладкие напитки, пиво – вот краткий список того, для чего применялся субстрат. Нет, из него нельзя было вырастить пшеницу, но, добавив его в ту же муку, он со временем принимал вид и свойства этой самой муки. Таким образом, размешивая эту зелено-желтую густую жижу с определённым веществом, мы получали вдвое больше этого вещества. Правда, на вкус еда становилась, как вареное дерьмо, зато ее было вдвое больше и производить ее было гораздо легче. Взрослые говорили, что от такой еды болеют, раньше стареют и т.д. Но переходить на старый цикл производства никто не собирался, субстрат был выгоден всем, кроме, может быть, конечного потребителя. Короче говоря, настоящий прорыв в пищевой промышленности. Да что там пищевая промышленность, ходили слухи, что тот же субстрат применялся даже для получения электроэнергии и некоторых видов топлива.

Когда субстрат был готов, его разливали по здоровенным бочкам. Наверх их на специальных тележках выкатывали ребята постарше. Как только тебе исполнялось шестнадцать, тебя переводили на более сложные работы. В основном ты выкатывал бочки из лаборатории или грузил их на самолет. Предполагалось, что к шестнадцати ты уже окончил школу, поэтому здесь работали только полный рабочий день. Ну и зарплата становилась как у взрослого. Работа Ильи и Никиты была проще. Они забирали бочки с тележек, аккуратно

опрокидывали их и катили по резиновому полу через весь цех к терминалу погрузки. Здесь их необходимо было снова поднять и оставить. Бочки пересчитывал специальный человек. Потом взрослые грузили их в подъезжающие грузовики и запрыгивали следом.

Разобраться с первой бочкой не составляло труда. Да, хоть ты еще и совсем ребенок, а бочка была очень тяжелой, приноровиться все же было возможно. Тем более, если в голове постоянно сидит мысль о том, что, если ты будешь работать слишком медленно, люди, смотрящие на тебя через глаз жестики, это заметят. Они могут наказать тебя, лишит зарплату, в конце концов, лишит работы. А что может быть страшнее, чем потерять работу? Разве что смерть. С такой мотивацией бочка значительно теряла в весе, и ты успешно докатывал ее до пункта погрузки. Но затем шла вторая, третья и четвертая. Руки, плечи и спина наливались кровью, попервости эта нагрузка воспринималась, как полезная, но потом становилось все труднее. Наконец, после двадцатой бочки с субстратом мышцы становились деревянными. А ведь работать оставалось еще столько же. Живот начинал урчать раньше времени, с такой нагрузкой требовалось есть очень плотно. Где-то в это время объявлялся пятнадцатиминутный перерыв. Можно было попробовать сходить в столовую и выпросить что-нибудь. Но суровые работницы столовой безжалостно отгоняли всех любителей халявы. Приходи в двенадцать – говорили они. Можно было что-нибудь прикупить

в буфете, но тамошние ценники заставляли желудок немедленно умолкнуть. Немного передохнув, народ снова принимался за работу. Но некоторые распорядились перерывом по-иному. Например, Илья. Вот и сейчас он вместо того чтобы спокойно посидеть на одной из бочек и перевести дух, направился к Маркусу. Продефилировав мимо развалившегося на бочке Никки, Илья подал ему знак. Никки подмигнул в ответ.

Что такое фабрика? Фабрика – это отлично поставленный процесс производства, который, естественно, невозможен без постоянной слежки за каждым работником. Маркус был заместителем начальника охраны фабрики с недавнего времени. Должность эту он выгрыз в бою с еще четырьмя кандидатами, чем был невероятно горд. Илья частенько бывал у него в кабинете и позволялось ему там находиться только потому, что Маркус был давним другом его матери. Илья, выспросив у матери всякое, подозревал, что он был даже чем-то большим, чем просто друг. Кабинет Маркуса был с трех сторон завешан мониторами, каждый из которых показывал определенную зону фабрики. Таким образом, Маркус был одновременно глазами каждой жестянки. Отличные условия для развития комплекса бога.

– Здорова, Маркус!

– Привет. Опять шарисься где не положено?

– Скучно сидеть в цехе. Я вижу ты отлично справляешься с новой должностью. Всю неделю без происшествий.

Маркус просиял. Его ядовитая улыбка с маленькими зубами и огромными щелями между ними выглядела отвратительно.

– Еще бы. Не зря мне дали эту должность. Как мама? Ты говорил ей о моем предложении? Я все еще свободен в выходной.

– Знаешь, она сказала, что еще не определилась с планами. Но она обязательно позвонит тебе, если все же надумает. – На самом деле мама Ильи понятия не имела, что он общается с ее давним приятелем.

– Отлично... Черт, ну что там опять?

Рамка одного из мониторов стала красной. Зафиксировано нарушение – гласила надпись. На экране один парень выдавал знатных пинков пацану помоложе. Илья сразу же узнал в принимающем удары своего друга.

– Ё-маё! – Маркус вылетел из кабинета.

Через пару мгновений он с еще одним охранником появился на экране монитора. Вдвоем они стали разнимать дебоширов. Илье было не до них. Он оглядел мониторы. Их здесь было десятков пять, не меньше. И все показывали разные изображения. Все, кроме двух. Эти два не показывали ничего, кроме черного экрана и надписи «сигнал потерян». Две камеры вышли из строя, а чинить их обычно приезжали раз в два месяца, то есть совсем не скоро. Дело было за малым. Нужно было вставить флэш-накопитель в компьютер, изменить источник сигнала для камеры и

просто выставить заранее нарисованную заставку – черный экран с надписью «сигнал потерян». Флэш-накопитель читался нормально, Илья шумно выдохнул, компьютер мог запросить пароль для внешних дисков. Похоже, что ума на такую простую предосторожность Маркусу не хватило. Дальше все прошло, как по маслу. Картинка была загружена и выставлена на один из виртуальных рабочих столов, который теперь заменял изображение с камеры. При попытке починить камеру, такая подмена обнаружилась бы моментально. Если Маркусу взбретет в голову проверить рабочие столы – тоже. Но самым неаккуратным моментом был журнал внешних дисков, компьютер регистрировал все источники, которые к нему подключали. Проверяет ли его Маркус? Илья понятия об этом не имел. Но стереть из журнала запись ему не удалось, компьютер запросил пароль. Дело было сделано. Илья поспешил в цех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.